

Foreign Policy of the Union of South Africa and Its Relationship with the USSR in 1950–1960th

A. A. Arkhangelskaya^{1,2}, D. V. Kochetov¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1, Spiridonovka str., Moscow, 123001, Russian Federation

²Higher School of Economics, 11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-52-63

Research article
Full text in Russian

This article discusses Union of South Africa (UAS) in the 1950s–1960s, in perspective of the double diplomacy that was formed in connection with the establishment of apartheid. On one hand, the diplomacy of the official foreign Ministry of the UAS, which was adapting to the international isolation that began to develop around it (in many ways controversial), primarily from the independent countries of Africa and the USSR. On the other hand, it was the diplomacy of the national liberation movements that fought against this regime, namely the ANC. On the basis of archival documents, it can be seen that in 1959, even before the world-wide shooting in Sharpeville (1960), in the USSR, a high-level proposal was made to support the ANC and oppose the government of the UAS in all diplomatic directions.

Keywords: South Africa; Africa; ANC; Russia; USSR; apartheid; historical memory; foreign policy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Arkhangelskaya, Alexandra A. | E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com
Cand. Sc. (History), Research fellow

Kochetov, Dmitriy V. | E-mail: k.kimlenko@gmail.com
Cand. Sc. degree seeking applicant

Funding: RFBR and the National Research Foundation (South Africa), Project No. 19-514-60002.

Внешняя политика ЮАС и его отношения с СССР в 1950–1960-е гг.

А. А. Архангельская^{1,2}, Д. В. Кочетов¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

² ВШЭ, Покровский бульвар, 11, Москва, 109028, Российская федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-1-52-63

Научная статья

УДК 908

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается процесс становления двойной дипломатии в Южно-Африканском Союзе (ЮАС) в 1950 – 1960-х гг. на фоне формирования системы апартеида. Министерство иностранных дел Республики вырабатывало позицию, позволяющую приспособиться к режиму изоляции, в которую мировое сообщество поставило ЮАС. Легитимность такой изоляции достаточно сомнительна. Параллельно шел процесс формирования дипломатии национально-освободительных движений, и в первую очередь – Африканского национального конгресса (АНК), осуществлявших противостояние режиму. На основе изучения документов из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), можно отметить, что в 1959 г., то есть ещё за год до ставшего известным во всём мире расстрела в Шарпевиле, правительство СССР рассматривало возможность поддержки АНК и предполагало противодействие текущей политике правительства Южно-Африканского Союза по всем возможным дипломатическим каналам.

Ключевые слова: ЮАР; ЮАС; Африка; АНК; Российская Федерация; СССР; апартеид; историческая память; дипломатия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Архангельская, Александра Александровна	E-mail: aarkhangelskaya@gmail.com Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Кочетов, Дмитрий Викторович	E-mail: k.kimlenko@gmail.com Соискатель

Финансирование: РФФИ и Национальный исследовательский фонд (ЮАР), проект № 19-514-60002 – «Международная солидарность в борьбе с апартеидом: историческая память в Российской Федерации и Южной Африке».

Данная работа направлена на достижение основной цели проекта – сохранение в РФ и ЮАР исторической памяти о борьбе с апартеидом от самого начала помощи СССР подпольному национально-освободительному движению ЮАС и до устранения режима апартеида в 1994 г.

© Архангельская А. А., Кочетков Д. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Память о поддержке Советским Союзом Африканского национально-го конгресса (АНК) до сих пор жива, но только у ветеранов народно-освободительного движения. Младшие поколения мало задумываются о своей истории. О роли Советского Союза, о его поддержке национально освободительных движений, о том, насколько сильным было его воздействие на реалии и внутривнутриполитическую обстановку в Южной Африке, написано достаточно много специальной литературы и популярных исторических текстов. В данной работе мы хотели бы остановиться на тех данных, которые имеются в хранилищах Архива внешней политики Российской Федерации и до сих пор были неизвестны широкой публике или использовались в мало-тиражных исследованиях, предназначенных для узкого круга профессионалов.

Внешняя политика ЮАС всегда была дуалистична. Причиной тому являлись сложная многополярная история страны, тяжёлый процесс становления суверенитета государства, когда-то являвшегося доминионном Британской империи, а также заметное отсутствие дипломатического опыта у госслужащих. Во времена нахождения на посту премьер-министра Яна Сметса¹ ЮАС был вполне успешен на мировой арене. Давние связи с Великобританией и выдающиеся личные качества премьер-министра позволили Южно-Африканскому Союзу стать не просто наблюдателем, а полноправным участником мировых политических событий, включая обе мировые войны и мирное урегулирование. Одновременно внутренняя политика Союза требовала перемен, которые стали подготовкой к легитимизации апартеида. Однако мир после Второй мировой войны перешёл в фазу резкого противления разделению рас, что противоречило позиции архитекторов «раздельного проживания», обосновывавших его выживанием белых в Африке.

Зарождением апартеида среди белого населения Южной Африки можно считать последнюю четверть XIX в.: метрополия (Великобритания) и бурские республики одобрили введение законов о расовой сегрегации, не изменивших правила жизни гражданского общества, однако подготовивших будущих законодателей к тотализации апартеида и выстраиванию его как самостоятельной системы существования социума. Во втором десятилетии XX в. организационно оформилось сопротивление чёрного населения; основной вехой которого стало создание Южноафриканского туземного конгресса (1912 г.) с его перерастанием в более обширный по своему представительскому составу и целям Африканский национальный конгресс (1923 г.).

Вторая мировая война и личная вовлеченность премьер-министра Сметса в мировую политику лишь отложили введение апартеида как государ-

¹ Сметс (Smuts) Ян Христиан (1870–1950) – философ, южноафриканский политический деятель, принимавший участие в разработке устава Лиги Наций и Устава ООН, британский фельдмаршал. В 1919–1924 и 1939–1948 гг. – премьер-министр ЮАС.

ственно-общественной системы, и уже в 1948 г., после вхождения во власть Национальной партии, чьей разработкой и был апартеид, Южно-Африканский Союз достаточно быстро и резко был осуждён на мировом уровне и подвергся политической изоляции. Осуждение и изоляция разрастались по мере воплощения правительством ЮАС апартеида в жизнь общества.

Новая политическая элита восприняла эти меры лишь как внешнеполитический вызов, требующий разработки новых дипломатических подходов, одновременно понимая, что международный остракизм требует либо решительного противостояния, либо не менее решительного отказа от побудившей его политики [1, с. 103–104].

Дипломатические миссии ЮАС в 1950-х гг. были слабо представлены профессиональными дипломатами и лишь в весьма небольшой степени были способны отстаивать государственную политику. Сменивший Смэтса на посту премьера Хендрик Френс Фервурд лично руководил госполитикой на мировой арене, минуя МИД (что постоянно вызывало внутриправительственные трения), и противостоял странам, оказывавшим давление на ЮАС с целью улучшения положения чёрного населения. Несмотря на санкционное давление мирового сообщества, экономические связи и с Западом, и с остальной Африкой были достаточно прочными, торговое сальдо страны долгие десятилетия было профицитным.

Основопологающей вехой в истории государства стало образование независимой Южно-Африканской Республики, пришедшей в 1961 г. на смену Южно-Африканскому Союзу; ЮАР перестала быть страной Содружества, руководимого Великобританией. Следует отметить, что именно противодействие политике апартеида со стороны остальных стран – членов Содружества, а не собственная заинтересованность новообразованной ЮАР в таком выходе стала причиной освобождения ЮАР из-под пристального наблюдения бывшей метрополии; фактически можно говорить не о выходе из Содружества, а об исключении из него.

Одновременно с официальной политикой в ЮАР появилась и дипломатия, которую можно назвать «теневой». Её осуществлял АНК, выстраивая международные отношения параллельно с государственными дипломатами других стран. Теневая дипломатия, осуществляемая Африканским Национальным Конгрессом, может трактоваться в истории внешнеполитических служб как дипломатический феномен. Государственный режим занял по отношению к мировому сообществу оборонительную позицию, а АНК в свою очередь налаживал дружественные связи, которые привели к определённым позитивным результатам. Ретроспективный разбор дипломатической деятельности народных освободительных движений позволит понять, каким образом «неофициальные дипломаты» сумели прийти к практическим результатам своей деятельности на международной арене.

1960 г. исторически считается Годом Африки, на континенте появилось 17 независимых государств. Продолжалась освободительная война в Алжире, страна намеревалась сбросить французское колониальное господство. На фоне вооружённых противостояний по всему континенту борьба Африканского Национального Конгресса против апартеида может считаться мирной, ограниченной рамками акций протеста, без применения насилия к власти. Всё изменилось после трагического «расстрела в Шарпевиле».

21 марта 1960 г. около шести тысяч представителей африканского, небелого, населения собрались у полицейского участка в г. Шарпевиль с протестами против «закона о пропусках». В соответствии с ним каждый чёрный гражданин ЮАР обязан был носить пропуск, обязательный к предъявлению сотруднику полиции и еще пятнадцати другим категориям силовых ведомств и чиновников. Отказ считался правонарушением; гражданин подвергался аресту на 30 суток.

Пикетировавшие были разогнаны полицейскими, но собирались снова, в том числе женщины и дети. В толпе циркулировали слухи о том, что власти собираются разъяснить новые правила пропускного режима, толпа напирала на ограду отделения полиции. Без предупреждения полицейские стали стрелять по собравшимся, в том числе по убегающим. Итог: 69 убитых, 180 раненых. Бесчинство и самоуправство полиции стало сигналом для всех мировых СМИ и международной дипломатии, резко осудившей ЮАС; соответствующая директива Совбеза ООН была опубликована 1 апреля 1961 г. [2, с. 256].

Государство использовало расстрел в Шарпевиле как отправной пункт для репрессий в отношении чёрной оппозиции, в первую очередь – Африканского Национального Конгресса. Спустя неделю после резкого осуждения со стороны Организации Объединённых Наций, правительство ЮАС обнародовало Акт «О незаконных организациях» [3, с. 3]. Начиная с 8 апреля 1961 г. в соответствии с данным Актом деятельность Африканского Национального Конгресса, а также ПАК² были запрещены. Лидеры ПАК и АНК, не прекратив призывов против апартеида, ушли в «подполье» – официально они стали именоваться «запрещёнными лицами», их политическая и иная профессиональная деятельность были объявлены вне закона. Президенту Африканского Национального Конгресса Альберту Лутули было запрещено покидать Гроутвиль (провинция Наталь), его заместителю Оливеру Тамбо – Йоханнесбург, ни о каких контактах с иностранными дипломатами не могло идти речи, деятельность организаций была парализована.

В сложившейся непростой ситуации верхушка Конгресса перешла к обсуждению возможности применения активных, в том числе насиль-

² Панафриканский конгресс (ПАК) (англ. Pan-Africanist Congress) – организация, созданная в 1959 г. отколовшимися от АНК активистами борьбы с апартеидом, которые заняли радикальную позицию «Африка – для чёрных африканцев».

ственных методов борьбы; по заявлению Н. Манделы на суде в 1962 г.³, это были лишь ответные шаги Конгресса: «Действуя насильственно, правительство будет порождать только насилие в ответ, пока власть предрержащие не обратятся к здравому смыслу в своих действиях» [4, с. 230].

Вооружённое сопротивление требовало выделения «военного» крыла в отдельную организацию; таковой стало «Умконто ве сизве» («Копье нации»). Африканский Национальный Конгресс руководил Умконто, хотя дистанция соблюдалась. Руководители АНК сотрудничали с управленцами прочих антирасистских движений, которые слились в единый Союз конгрессов. Пример успешных, приведших к обретению государственной независимости вооружённых переворотов в других странах подталкивал АНК к радикальным методам борьбы не менее, чем насильственные репрессивные действия собственного правительства.

Умконто было готово оказывать вооружённое сопротивление правительству, однако существовали две базовые проблемы: нехватка военных кадров и нехватка материально-технического обеспечения, в первую очередь оружия. Логичным шагом была попытка получить и то и другое извне, от других государств и/или других национально-освободительных движений, вступив с ними в коалиционные отношения. Естественным образом армия ЮАС была несравнимо лучше экипирована, снабжена изрядным запасом оружия и расходных материалов на случай ведения полноценных военных действий, ею руководили кадровые военные. Несмотря на оружейное эмбарго со стороны мирового сообщества, армия ЮАС размещала заказы на производство большого ассортимента вооружений непосредственно на территории самой страны. Единственный путь, которым могло следовать Умконто, не считая коллаборации с сочувствующими иностранными режимами, – диверсионная борьба с правительственными войсками, направленная на точечное нанесение максимального ущерба. Армейские подразделения в ответ на теракты со стороны Умконто наносили ему одно сокрушительное поражение за другим, и организация перешла к тактике вялотекущей партизанской войны, отдавая себе отчёт в том, что без сторонних финансовых и материально-технических вливаний борьба обречена на медленное угасание. Руководство Умконто с не меньшей ясностью понимало и то, что необходима не только техническая и экономическая по-

³ 5 августа 1962 г. Нельсон Мандела после полутора лет существования на подпольном положении был подвергнут аресту у г. Хаувик. Н. Мандела управлял автомобилем бизнесмена С. Уильямса, выправившего для своего водителя бумаги на имя Дэвида Мотсамайя – таким образом руководитель диверсионной по своей сути организации Умконто свободно перемещался по территории страны. После ареста он оказался в Йоханнесбургской городской тюрьме, а Уильямс ускользнул от правосудия и осел в Лондоне, где и скончался в 1978 г. Раскрытию личности «водителя бизнесмена» способствовали разведывательные усилия Центрального Разведывательного Управления США. Суд обвинил Н. Манделу в организации забастовки в 1961 г. и нелегитимном пересечении госграницы и приговорил 25 октября 1962 г. к пяти годам заключения.

мощь из-за рубежа, но и то, что с имеющимися в её распоряжении военными специалистами невозможно планировать длительное успешное противостояние режиму [5, с. 14–38].

О. Тамбо был откомандирован Африканским Национальным Конгрессом за границу для установления международных контактов: «организовать мировую поддержку изоляции государств, исповедующих теорию апартеида и воплощающих её в жизнь в практических действиях по отношению к своим народам», а также «для обеспечения надёжных тылов нашей борьбы» [5, с. 76].

Спустя два года, в 1962 г., с теми же задачами отправился в зарубежное «турне» уже и сам Нельсон Мандела. Его поездка по африканским странам была успешной, хотя очевидным было недопонимание, которым встречали описание помощи национальному (чернокожему) населению со стороны белых и азиатов, а также коммунистов разных стран. Несомненным успехом дипломатической деятельности Тамбо и Манделы можно считать организацию переброски в другие (африканские) страны групп добровольцев из ЮАС для прохождения военной подготовки.

Организация посольства СССР в Танганьике, получившей независимость в 1961 г., предоставила широкие возможности АНК, помимо того, что Танганьика уже считалась «тыловой базой» для южноафриканских борцов с апартеидом. Секретариат ЦК КПСС передал Оливеру Тамбо через дар-эс-саламское посольство приглашение «посетить Советский Союз в удобное время». Тамбо прибыл в СССР в апреле 1963 г., сопровождаемый Мозесом Котане, и на встрече с Б. Н. Пономаревым известил советское правительство о крайней необходимости и желательности финансовой помощи в размере 250 тыс. английских фунтов, подчеркнув, что основную надежду на получение этой суммы АНК возлагает именно на СССР, заметив, что попутно сборы проходят и в других странах. СССР выделил \$300 тыс., что по тогдашнему курсу составило 40 % от желаемого. Следует подчеркнуть, что средства были выделены ЦК партии, а не советским государством, то есть можно утверждать, что начиная с 1963 г. АНК начал получать экономическую помощь непосредственно от компартий разных стран [6, с. 313].

Государства Африки оказывали значительную помощь АНК по нескольким причинам. Например, Марокко, обретшее независимость в 1956 г., активно способствовало своему ближайшему соседу, Алжиру, в достижении такого же результата, одновременно посильно помогая другим странам континента, в которых велась национально-освободительная борьба против колониализма. Алжир получил независимость пятью годами позднее Марокко и последовал примеру поддержавшей его страны, предоставляя посильную помощь даже в непростой период первых же лет своего становления как государства. Египет и Эфиопия были не менее активны

в поддержке panaфриканского движения за освобождение от колониального гнёта европейцев. Император Эфиопии Хайле Селассие Первый был одним из активных организаторов глав независимых государств континента в 1963 г. в столице своей страны, там же открылась штаб-квартира Организации африканского единства (ОАЕ).

Международные дипломатические усилия Оливера Тамбо не ограничились «сбором средств» от сочувствующих правительств и партий; его инициативой было подписание Декларации о создании Объединенного фронта Южной Африки (ОФЮА), членами которого стал Африканский Национальный Конгресс, ПАК, ЮАИК и незадолго до этого образованный Национальный союз Юго-Западной Африки. Представительства ОФЮА открылись в Каире, в Аккре, Дар-эс-Саламе, а также в Лондоне. ОФЮА сформировал представительные делегации для присутствия в Организации Объединённых Наций и в странах Британского Содружества. ОФЮА добился серьёзной мировой поддержки; одной из причин ухода Южной Африки из Британского Содружества Юсуф Даду (руководитель ЮАКП) считал именно активные действия представителей ОФЮА на дипломатическом поприще.

Юсуф Даду напоминал об опыте компартии Советского Союза: «Все мы видели, как воплощение в жизнь сходных принципов решило национальный вопрос, стало побудительной причиной для взрывного развития бывших колоний царской России, к настоящему, неподдельному росту уровня жизни народов, которые угнетались в совсем ещё недавнем прошлом. Мы уверены, что сумеем достичь тех же результатов, если пойдём тем же путём, который до нас уже был определён нашими товарищами из Советского Союза. Опыт народа этой великой страны и её компартии стал и идеологической базой для национально-освободительной борьбы всех остальных народов, и именно влияние и мощь Советского Союза, которое они демонстрируют в духе пролетарского интернационализма, всё дальше и дальше отодвигают границы бывших империй и колонизаторов ...». Также он связал успехи движения против апартеида не только с поддержкой Советского Союза, но и «всего содружества социалистических стран, с ленинской политикой мира и разрядки». «Дух, родившийся в знаменательном для всего человечества 1917 г. не умрёт никогда, – заключил он. – Говоря: “Да здравствует Великая Октябрьская Революция”, мы имеем в виду: “Да здравствует освободительная борьба народов всего мира за мир, социализм и государственную независимость!”» [7, с. 451].

Таким образом можно утверждать, что в начале 1960-х гг. сформировалось уникальное в истории мировой дипломатии явление «дипломатической эмиграции» из Южно-Африканской Республики: группы чернокожих активистов периодически выезжали из страны, устанавливали контакты с иностранными государствами и/или партиями, преследуя общую цель

оказания давления мирового сообщества на систему апартеида, а также для кадровой подготовки военных для предполагавшейся борьбы с ним внутри страны насильственными методами.

Официальные отношения Южно-Африканского Союза и Союза ССР последовательно ухудшались на протяжении всех 50-х гг. Африканское правительство тормозило выдачу дипломатических виз, не допускало “коммунистической пропаганды”, изымая кинофильмы из проката, в том числе даже из закрытого консульского [8, л. 2, 26–29, 34–35, 37–38]. Причина крылась в абсолютном антагонистическом различии между антикоммунистическим и, по сути, расистским курсом одного государства и социалистическим, интернациональным – другого. В 1956 г. консульство СССР было закрыто, а секретарь правительства ЮАС по иностранным делам Д. Д. Форсайт официально заявил, что «русское консульское представительство утратило свою актуальность в нашей стране в связи с прекращением Второй Мировой войны, когда наши страны сплотились в борьбе против мирового зла в лице нацистской Германии» [9, л. 5–6].

В том же заявлении Д. Д. Форсайт предъявил претензии консульству Советского Союза по поводу контактов с нелегальными общественными объединениями, осуществляющими диверсионную деятельность в отношении Южно-Африканского Союза, претензии по поводу распространения коммунистической идеологии, по поводу подстрекательской работы в среде народности банту⁴ и «африканского и индийского конгрессов» к сопротивлению правительству. Ещё одной причиной закрытия консульства стало, по выражению МИД ЮАС, то, «что закон о спиртном злостно и неоднократно не соблюдается в помещениях генконсульства Советской России»⁵. Д. Д. Форсайт, объявив о закрытии консульства, указал, что все последние отношения государств вполне могут быть осуществлены послом Советского Союза в Великобритании посредством привлечения Верховного комиссара Южно-Африканского Союза в этой стране.

В заявлении ТАСС МИД Советского Союза объявил эти претензии необоснованными, а контакты консульства с представителями народности банту и южноафриканцами индийского происхождения – естественными для работы любого консульства в любой иной стране [9, л. 4]. Следует отметить, что в описываемое десятилетие СССР через консульство плотно контактировал с обществом «За мир и дружбу с Советским Союзом». Секретарь Общества, активистка компартии ЮАС Хильда Бернштейн (Уоттс), была известна МИД СССР намного раньше, в 1944 г. [7, с. 380–382],

⁴ Банту – совокупность этносов, проживающих по всей Африке южнее Сахары, в том числе в ЮАР.

⁵ В ЮАС к середине 50-х гг. имелось большое количество ограничений на употребление и производство алкоголя; например, по Закону о спиртном 1927 г. все небольшие южноафриканцы не могли его продавать. На основе именно этого документа непонятно, что именно нарушило консульство, причем ещё и у себя в помещении.

а в 50-е гг. консульство уже снабжало Общество литературой, кинофильмами и прочей продукцией [10, л. 1-3]. Таким образом, обвинения МИД ЮАС в ведении коммунистической пропаганды были не беспочвенны. С другой стороны, для консульства можно считать естественной поддержку граждан, выказывавших симпатию к Советскому Союзу.

Прямая непосредственная передача агитматериалов была запрещена МИД СССР (его Вторым Европейским отделом, отвечавшим тогда за работу в ЮАС); южноафриканцы, не зная этого внутреннего правила советского МИДа, просили о присылке им советской художественной литературы и фильмов [11, л. 2-4; 4, 20-22]. Не располагая возможностью узнать, не будет ли расценено то или иное художественное произведение властями ЮАС как «коммунистическая пропаганда», МИД СССР подходил к выполнению подобных просьб с разумной осторожностью. Возможности вышеупомянутого Общества были затруднены и тем фактом, что буржуазия ЮАС – общественная группа, с которой Общество традиционно взаимодействовало, старалось отмежеваться от коммунистической идеологии, особенно на фоне непрекращающихся репрессий правительства в отношении членов компартии. Агитация как таковая выродилась в келейные просмотры советских кинолент в домах частного сектора не чаще нескольких раз в год [12, л. 5-7]. Общество «За мир и дружбу с Советским Союзом», если судить по сохранившимся в архивах МИД отчётам, де-факто перестало вести деятельность в 1950 г. [13, л. 8-10], при этом его председатель Д. Томпсон в 1951 г. посетил Советский Союз, о чём поведал на собрании перед скромной аудиторией (не более двух сотен человек). Газеты отказались опубликовать его интервью для более широкой аудитории [12, л. 18-20, 26-28].

Однако, несмотря на явное сворачивание своей деятельности, наиболее активное ядро «Общества за мир и дружбу с Советским Союзом» было согласено на агитрабату, даже отдавая себе отчёт в том, что наказанием за такую деятельность может стать неотвратимое тюремное заключение. СССР со своей стороны понимал, что работа с Обществом, базирующимся на пропаганде в буржуазной среде, не будет столь эффективной, как сотрудничество с организациями, которые могли бы донести необходимое до беднейших, наиболее угнетённых слоёв социума.

Планомерно развивавшееся на протяжении многих лет сотрудничество с Обществом позволило консульству СССР заметить деятельность Африканского Национального Конгресса, на который Советский Союз и сделал в итоге главную ставку как на организацию, имеющую воздействие на социальные «низы», готовую в том числе и на силовые методы ведения освободительной борьбы.

В 1950 г. АНК и его «генеральный президент» доктор Мороко были лишь вскользь отмечены в справке консульства по текущему состоянию дел для МИД СССР [13, л. 16]. 30 декабря 1950 г. упоминавшаяся выше

Х. Бернштейн отметила Африканский Национальный Конгресс и его «генерального секретаря» В. Сизулу среди направивших приветствие митингу в честь 33-летия Октябрьской Социалистической Революции в Йоханнесбурге [13, л. 1].

Африканский Национальный Конгресс совместно с «Обществом...» принял участие в Трансваальской конференции мира 28–29 апреля 1951 г.; МИД Советского Союза получил отчёт об этой конференции, в том числе оригиналы её повестки и резолюции [12, л. 9–16].

С учётом вышесказанного можно утверждать, что уже в начале 50-х гг. Советский Союз знал о существовании АНК, о том, что он представляет коренное африканское, небелое, население ЮАС и потенциально дружелюбен не только просоветскому Обществу, но и СССР. 24 июля 1959 г. у руководителя Второго Европейского отдела МИД Советского Союза Н. Д. Белохвостикова имелось исчерпывающее количество причин подать докладную с предложением о поддержке бойкота ЮАС Советским Союзом, о разрыве экономических отношений, а также о том, чтобы выступать на международной арене против любых инициатив ЮАС. Такая уверенность подпитывалась и бесцеремонными заявлениями Фервуда в отношении Советского Союза. По линии ВЦСПС и СКССАА Министерством иностранных дел Советского Союза было принято решение о налаживании постоянной связи с Африканским и Индийским конгрессами ЮАС. Также было принято решение о приглашении на постоянной основе молодёжи, задействованной в АНК, в Советский Союз за счёт принимающей стороны [14, л. 3–12].

Минвнешторг предупреждал правительство об исключительно малой выгоде от торговли с Южно-Африканским Союзом, в том числе – от приобретения автомобильного металлопроката [14, л. 14], что нашло отражение в документах о поддержке «африканских» резолюций ООН. Торговля, культурные и туристские связи с Южной Африкой были окончательно свёрнуты. Однако Минвнешторг отмечало, что заменить ЮАС как партнера будет сложно. Торговля приносила, пусть небольшие, но выгоды, прежде всего это касается сбыта металлопроката. Примечательно, что позитивные отзывы южноафриканских туристов, побывавших в Советском Союзе, подрывали антикоммунистическую пропаганду официальной Претории, хотя и не стали достаточным основанием для советской стороны для решения вопроса о сворачивания туризма [14, л. 2–6, 20–31].

Начало 1960-х гг. ознаменовалось изменением дипотношений Москвы и Претории с весьма прохладных к откровенно враждебным, хотя и не прерванным окончательно (общение могло производиться через посредничество Верховного комиссара в Великобритании). ЮАС объявила себя форпостом антикоммунизма в Африке, СССР практически открыто под-

держивал борцов с апартеидом, в том числе – готовых к насильственным действиям с применением оружия.

«Дипломатические эмигранты» на фоне глобального неприятия апартеида добивались всё больших успехов на международной дипломатической арене: за три года, прошедшие с даты официального запрещения АНК, «дипэмигранты» не только наладили прямое общение с Советским Союзом, но и сумели получать реальное оружие от сочувствующих африканских стран. Упоминавшееся выше вполне мирное «Общество за мир и дружбу с Советским Союзом», неготовое по своей идеологии к вооружённой борьбе с режимом, тем не менее сослужило службу в «наведении мостов» между более радикальным АНК и Советским Союзом. Поступавшая от СССР помощь была системной, она определила многие основополагающие аспекты движения против апартеида в ЮАС в 60–70-е гг. XX в.

Ссылки

1. Moroe R. Lessons of the 1950-s // Inqaba ya Basebenzi. 1984. № 13. P. 103–104.
2. Lodge T. Shaperville a Massacre and its Consequence. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p.
3. Unlawful Organisations Act No 34 of 1960. URL: <http://disa.ukzn.ac.za/leg19600407028020034> (accessed 18.12.2021).
4. Мандела Н. Нет лёгкого пути к свободе: статьи, речи, выступления на суде / пер. И. П. Ястребова. М.: Прогресс, 1968. 231 с.
5. Шубин В. Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки РАН, 1999. 468 с.
6. Шубин В. Г. Горячая «холодная война»: Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Яск, 2013. 363 с.
7. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Нац. исслед. ун-т – Высш. шк. экономики, 2012. 491 с. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%94/davidson-apollon/rossiya-i-yuzhnaya-afrika-navedenie-mostov/87> (accessed 18.12.2021).
8. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 11. Л. 26–29, 34–35, 37–38.
9. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 15, п. 3. Д. 1. Л. 4–6.
10. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 2. Л. 1–3.
11. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 5. Д. 12. Л. 2–4.
12. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 12, п. 6. Д. 2. Л. 1, 5–7, 9–16, 18–20, 26–28.
13. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 5. Д. 12. Л. 1, 8–10, 16.
14. АВП РФ. Ф. 145. Оп. 11, п. 4. Л. 2–14, 20–31.